

Ясный звук бытия

(О поэзии Игоря Бولычева)

«...Игорь Болычев, прекрасный русский поэт восьмидесятых годов двадцатого столетия, не исключено, останется последним безукоризненным мастером русской силлабо-тоники, в которой, собственно, и состоялась великая русская поэзия...», – цитата из статьи о поэте, включенной им самим в книгу «Разговоры с собой» (Москва, 2019). Цитируемая статья ныне покойной Ольги Татариновой написана в 2003 году и входит в книгу в качестве «Послесловия», то есть выступает органической частью целого – вместе со стихотворениями, намеренно расположенными в книге в обратном порядке – из двухтысячных назад в восьмидесятые. Мне понятно, что и это, и сама структура книги (структура, подсказанная «Отплытием на остров Цитеру» Георгия Иванова, поэта, несомненно близкого Игорю Болычеву) – не столько какой-то надуманный литературный ход, сколько живой жест, в согласии с которым вырастает книга поэта. Понимаю, но всё-таки спотыкаюсь об эти слова о поэте «восьмидесятых годов двадцатого столетия» – слишком законченным кажется мне это определение, которое словно подводит итог традиции русской силлабо-тоники: а дальше придут другие и сделают по-другому («Другая же, новая русская поэзия, – только начинает оформляться, вырисовываться, и суждено ли ей стать великой?» – одна из загадок будущего» – заключительные слова «Послесловия» и всей книги).

Впрочем, откроем книгу в самом начале и прочитаем:

Зачем так много слов на свете.
Зачем так мало в них тепла.
На берегу играют дети.
Играя, строят города.

Шероховатой жизни струйку
Сжимает детская рука,
Витиеватую постройку
Она возводит из песка.

На небе солнце. В поле лошадь.
Над речкой – паутины нить.
Пришла пора смотреть и слушать
И ничего не говорить.

Стихотворение 2006 года словно бы вторит заключительным словам «Послесловия» – здесь и сейчас что-то закончилось, новое же – неведомо – и еще только ждет воплощения. Из слов ушла энергия, ушло дыхание и биение жизни (высказанный почти напрямую смысл поддерживается отсутствием рифмы тепла/города). Действительно, слов на сегодняшний день сказано достаточно, тепла (читай – жизни, то есть, собственно, поэзии) в этих словах – немного. Пришло время стихам отдохнуть («И ничего не говорить»). Но ведь можно (думаю, должно) прочитать эти строки иначе: человеку, для того чтобы сохранить своё высокое предназначение, следует заново научиться говорить, то есть вспомнить о том, что всякое подлинное говорение включает в себя слушание. Это и есть, как мне кажется, сквозная тема всей книги «Разговоры с собой»: слышание и вслушивание – в другого, в саму жизнь, в слово.

А вот – из последнего стихотворения в этой части (2016 год):

Ветер дует. И солнце светит.
Ветка времени обнажена.
Кто-то скажет. Никто не ответит.
Тишина.

Простые предложения, не метафоры – констатации факта (кстати, в этом ряду – «ветер дует», «солнце светит» – «ветка времени» звучит не как метафора, а как фотографически точный образ). И разговор – о несостоявшемся разговоре, о молчании, о тишине.

На этой «тишине» заканчивается первая часть книги, вторая же, представляющая собой почти дословно перепечатанную книгу «Разговоры с собою», вышедшую в 1990, ведет читателя не то в прошлое, не то в какое-то «назад в будущее».

Если попытаться проследить структуру книги, получается интересная вещь: зачин из двухтысячных, где лейтмотивом звучит – тишина, причем, как мы поняли, эта тишина двоякая – та, которой заканчивается звучание, и та, из которой звучание, собственно, произрастает. Затем – 90е, основное настроение – надежда накануне катастрофы («и будет так как будто не бывало»), затем, собственно, катастрофа – сочинение под названием «Эпилог-1991»:

9.
В России должна быть плохая погода.
В плохую погоду лучше пишется.
И в самые поганые времена года,
Извиваясь, течет речка Жижица.

От нашего пристрастия к речитативам
За версту несет придурковатостью.
В России стыдно быть счастливым
И подло жить, не чувствуя радости.

Здесь любят ломиться в открытые двери
И вытирать о штанину окровавленное лезвие.
Невозможна Поэзия без Империи.
Невозможна Империя без Поэзии.

И если, не лукавя, итожить,
И если честно предвидеть события:
Поэтов и Россию надо уничтожить
В интересах мирового развития.

и близкие к нему стихи, относящиеся к тому же времени «свободы со-
вести в бессовестной стране» («Кто вспомнит нас, когда не станет...»):

Страшна не гибель, – ибо гибель,
Как жизнь, у каждого своя, –
Но ровный ход вселенских грабель
По теплой грядке бытия.

И наконец, четвертая часть – «Четыре на часах», стихи из так никогда
и не вышедшей книги поэта, написанные в начале восьмидесятых, по на-
строению и звучанию – легкие, высокие, звонкие, как будто бы из дру-
гого мира:

И был уже январь, и падал жёсткий снег,
И обнимал кувшин дрожащие колени,
И за сиреневым окном серели тени,
И было как весной к восьми часам.

или

Как хорошо, что можно попросить
октябрьский воздух: Протяни мне руку.
И ощутить знакомое касанье.
И слышать вновь знакомые слова.

Но и в этот, другой, мир вдруг врывается холодок явно из сегодняшнего
времени– «Ничего не слышно над землей. /Страшная такая тишина. /Мо-
жет быть, она перед зарей. /Может быть, посмертная она» (стихотворение
без даты). И даже – редкое для Игоря Большчева проявление злой иронии

(по отношению к себе самому) – перепевание на ироничный лад финальной строфы своего же стихотворения «Осенью всё кажется грустней...»: «Там потом высокопарный бред/Следовал о всякой ахинее. / «Ничего на свете больше нет» – /Может, было так сказать честнее?»

В финале книги – снова стихотворения из начала восьмидесятых, удивительно чистые и слово расчищающие пространство рядом с собой – «Осень, как тусклый бубенчик» и «Я всего лишь осина у русской реки»:

Я всего лишь осина у русской реки,
неизменная год от году.

И во мне оживают чужие стихи,
чтоб осыпаться осенью в воду.

Я всего лишь ребенок в коротком пальто
и в коричневых мокрых ботинках.

Я беру красный лист, чтоб пристроить его
на своих рисовальных картинках.

Кажется, структура книги воспроизводит парадоксальный, на первый взгляд, ход самой жизни – невидимое, но осязаемое её движение. Действительно, если вдуматься, жизнь течет не линейно из пункта А в пункт Б, а как-то так – зигзагообразно, через повторы и водовороты, через остановки и замирания. И вообще, она движется, скорее, назад, чем вперед, не в том смысле, что мы всё время возвращаемся в прошлое, а в том смысле, что проживая эту жизнь, как и положено человеку, то есть двигаясь от лучшего к худшему – мы всё-таки не теряем надежду на обретение изначальной полноты, утраченной цельности, детской чистоты («первоначальных, чистых дней» – это если по Пушкину). Той целостности и той чистоты, без которой слова мертвеют и холодеют:

А детство... О, тут есть где развернуться –
И сам не знаешь, из каких вселенных
И страх, и тонкость, и слова вернутся,
Как толпы интернированных пленных

И всё дело заключается как раз в том, что обретение изначальной цельности возможно только на пути вперед, а не назад, так что разговор с собой ведется не столько о прошлом и ради прошлого, сколько о будущем и ради будущего. Так строки «Вернуть? Догнать? Вопрос стоит не так. / Жизнь только в том, чего не быть не может» из стихотворения «И – никогда. И больше – никогда...» перекликаются со строфами из «Эпилога-1991»:

4.

Детская залита желтым светом.
Ногу за ногу заложив,
Моя гувернантка с тисненым Фетом,
Делая на ударных нажим,

Диктует рассеянно: «Непогода.
Осень. Куришь...» Лисенок-перо
Выводит смешные в четыре года
Круглые «0».
Если это и было где-то,
То, конечно, не здесь.
Если это было где-то,
То, наверное, есть.

Наверное, для меня это и есть самое существенное в этой книге, существенное самой поэзии, которая не есть просто некоторое дополнение к жизни, её описание или отражение. Скорее, поэзия – это утверждение того, «чего не быть не может», того, что (наверное) есть. Жизнь не то что бы нуждается в повторении, нет, но жизнь утверждает себя ежесекундно – в слове и деле. А, как известно, слова поэта – суть его дела. В противном случае, чем была бы наша жизнь, как не постоянным исчезновением.

«Разговоры с собой» – не книга об утверждении жизни, но само это утверждение. В книге отчетливо ощущается центростремительная энергия, она поддерживается интонацией и звучанием, за словом всегда слышен ясный и чистый человеческий голос. При этом, чаще всего, стихи ничего не декларируют, не строятся вокруг идеи, хотя, конечно, тут есть и «тема», и «фон». Фон, например, зачастую – московский, осенний, предзимний. Тема – да всё та же, что и всегда в поэзии – человек, родина, любовь, земля и небо, невозможность поэзии. Есть здесь и цвет – чаще серый, с вкраплениями-вспышками красного и алого. Да, эти стихи написаны в лучших традициях русской лирической поэзии, они звучат грустно и серьезно, они, в принципе, – звучат.

Эту скудность осеннюю,
выспреннюю бессловесность,
эти Бог его знает о чем разговоры с собою,
эту гулкую безлюдь московского воскресенья,
эту грустную честность, –
когда б говорил о другом, то назвал бы судьбою.

В этом звучании – не реквием утраченному совершенству, и «грустная честность» этой книги заключается не в том, что «всё не сбывается» (другое, более точное имя для того, что мы прозаически называем «жизнью»), но в том, что «...всё на белом свете / Надеждой призрачной живет / На то, что никому «не светит», / На то, что не произойдет».

Книга Игоря Большева в этом смысле являет собой подлинный человеческий опыт – не как факт биографии, а как факт истории – истории русского человека двадцатого века, русского человека двадцать первого века, факт русской поэзии – прошедшей и проходящей через катастрофы и испытания, забывающей, каково это – слушать и слышать, и заново обретающей, завоевывающей себе этот опыт говорения-слушания, утверждения жизни, которая и есть ни что иное, как «ясный звук бытия» – «поэзия в химически чистом виде».

...Так, кончаясь, одно переходит во что-то другое.
Металлический привкус истории полузабытый.
Вот и нет ничего – только эти всегдашние двое:
По разбитой дороге трясется автобус разбитый.

Помолчи и взглядишь в эту сивую изморось пыли,
Замутняющей вид из окошка на заднем сиденье.
То, что мы говорим, мы давно уже сами забыли.
То, что помнится нам, не имеет большого значенья.

Так, кончаясь, одно завершается голым мгновеньем,
Пустотою пустот, безголосьем, взволнованной спазмой.
Ясный звук бытия, шелестя золотым опереньем,
Наливается красной, клокочущей, алчущей плазмой...

После книги «Разговоры с собой» у Игоря Большева выходит подборка новых стихотворений – в декабре 2021 года, в журнале «Новый мир». Название подборки – ANNO DOMINI 2021 прочитывается теперь не столько как напоминание о нашем далеком и близком прошлом, сколько как указание на день сегодняшней и – завтрашней.

Подборка, состоящая из пяти стихотворений, открывается подчеркнuto иронически и риторически – злым, но точным воспроизведением современных «тенденций» – вот, как надо («выходить пореже на дорогу/ Одному...»), в противном случае, есть опасность «отстать» и (где опасность, там и спасение) стать («со страху») – человеком.

Но это всего лишь прелюдия – дальше тон стихотворений меняется,

и даже ирония звучит иначе – хочется сказать, человечнее, но это не совсем точное слово:

В жизни много разного. К примеру,
Есть футбол, рыбалка и стихи.
Мне, когда-то в прошлом, пионеру,
Также нравится и барабан...

Цитирую первую строфу стихотворения «Барабан», которому предпослан эпиграф из «Черной Мадонны» Поплавского («Запорхает белый, беспощадный, / Снег, идущий миллионы лет»).

Стихотворение Поплавского традиционно прочитывается как апокалиптическое, причем, апокалипсис Поплавского одновременно музыкален – «и еще раз, перед самым гробом, / издадут, родят волшебный звук», и амузыкален – вслед за последним звуком «безучастно» (читай, «беззвучно») проедет «артиллерия назад с парада», а за «кратким выстрелом счастья» – визг, крик, и тишина («снег, идущий миллионы лет»).

Стихотворение Игоря Большечева, кажется, помещает нас сразу в ситуацию пост-апокалипсиса. Вот и «русской лирики мундир парадный», и тут же порхает – всё тот же – снег – «белый беспощадный».

Тот же, да не тот – это «если жизнь представить наизнанку».

Действительно, в жизни «много разного», к примеру, есть у нее лицевая сторона и изнанка: «Лицевая сторона – конечно / Это: Пушкин, Тютчев, Фет и Блок». Это Гумилев. Это не названные по имени Лермонтов из предыдущего стихотворения и Анненский из стихотворения «Запруда над Жарями». Очень много имен – названных и не названных – в этой подборке. – «Русской лирики мундир парадный. /Золотые нити эполет!»

Основное движение в этих стихотворениях совершается как бы снаружи вовнутрь, «до самого до дна». Собственно, это как раз понятно – на первом плане в стихах – рыбалка. Точнее – «рыбалка и стихи»: «И не то чтоб пели херувимы. / Не поют. Из звуков – только скрип / Старых весел по сухой резине...».

Говорит поэт спокойно, уверенно и – одновременно – подчеркнуто самоиронично («Получилось как-то непонятно»; «Ну, «подробно» – это рифмы ради»; «Отчего-то вспомнил про Толстого – /Ни с чего, по правде, говоря» и т.д.). Однако ирония здесь вовсе не иносказание (говоря одно, подразумеваю другое – к примеру, пишу русское лирическое стихотворение, подразумеваю, что в двадцать первом веке – это невозможно), а буквальная реализация метафоры про лицевую и изнаночную

сторону жизни – указание на то, что «русской лирики мундир парадный» – не музейная реликвия, Аполлон – «не бог в Дубках и Озерках». «Золотые нити» держатся, разумеется, на честном слове, том самом, которым «в оный день» останавливали солнце и разрушали города. Держатся они на «прочных узелках» – как мы помним, есть у жизни изнанка, – «Это как бы те ж, но / И не те – то шов, то узелок».

Получается интересная история – во всех смыслах этого слова. На первом плане – «рыбалка и стихи», знакомый русский пейзаж – то летний, то зимний – «прорубь, пар и серая вода», неизменные поле и лес, Пушкин и Тютчев, Фет и Блок. На втором плане – «там же ж швы – там хокку или танку, / Или танки? Или там же ж вы?».

Причем второй план – не антитеза первому и не оксюморонный образ в духе Георгия Иванова («Сияет жизнь улыбкой изумлённой, / растит цветы, расстреливает пленных»). Это именно констатация факта – русская жизнь и это, и то, причем речь здесь не просто об обратной стороне медали – мол, есть в жизни прекрасное, но – увы и ах! – есть в ней и ужасное. «Изнанка» жизни – не оценочное понятие, «это» не существует (не может существовать) без «того», таков вселенский закон воплощения, и, в каком-то смысле, «это» и «то» – синонимы. Слова «русская лирика», «русская жизнь», «русский пейзаж» и «русская история» в этом контексте значат примерно одно и то же.

...Вроде то же поле, тот же лес,
Разнотравье чуть не до небес
И проселок в меру пыльно-лужист,
Но на всём – какой-то бег трусцой –
Полу-страх с болотной грязнотцой,
Полу-вызов, полу-тихий ужас.

...

Правда, тут бывают облака –
Те, что надо всем стоят века,
Неизменные как рифма эта.
И плывут – не то что б высоко –
Ровно так, чтоб стало всем легко,
Ровно так, чтоб «с ней не надо света»...

Кто знает, может быть, всё, действительно «могло бы быть иначе», и была бы у нас другая история – не такая трагическая – и другой пейзаж – потеплее, поизысканнее и, главное, почище. А значит, и стихи

были бы другие (вернее, их бы попросту не было, за ненадобностью). Но «так само выходит – не нарочно», что именно в этой нашей истории и в этом нашем пейзаже «сам собой ты ощущаешь связь / Неба и земли, когда гребешь на / Надувной трехместной лодке «Язь». Ту самую связь, которая, казалось, была безвозвратно потеряна, навсегда разорвана, променяна на «свободу совести в бессовестной стране» (цитирую стихотворение 1997 года «Эпоха кончилась...» из книги «Разговоры с собой»).

Вспомним, что книга «Разговоры с собой» начиналась со строк «Зачем так много слов на свете. / Зачем так мало в них тепла». Теперь, в 2023 году, кажется, что время «смотреть и слушать / и ничего не говорить» подошло к концу.

Отчего-то вспоминаю про Толстого («ни к чему, по правде говоря»): «Ком снега невозможно растопить мгновенно. Существует известный предел времени, ранее которого никакие усилия тепла не могут растопить снега. Напротив, чем больше тепла, тем более крепнет остающийся снег».

В общем, тут есть над чем задуматься, но, как пишет поэт (на этих словах заканчивается подборка Anno Domini 2021):

Я бы мог еще порассуждать –
Всё равно сидеть, поклевки ждать...
Предрассветный легонький туманец.
Сигаретный дым и комары.
Два часа осталось до жары.

Примечание:

Мария Козлова. Родилась в 1981 г. в Москве. Поэт, переводчик, к.ф.н., доцент Литературного института им. А.М. Горького. Автор книги стихов «Стихи брату» (Москва, 2017), переводов из П. Верлена («Проклятые поэты», М.: Эксмо, 2015) и Леконта де Лиля («Леконт де Лиль», М.: Водолей, 2016).